

Ростом Хо Цзюй оказался слишком высок - свадебный наряд старосты ему не подошел. К тому же сегодняшний день был не только свадебным пиром, поэтому он просто надел новый, специально сшитый для него наряд и так вышел к гостям.

Говорят, что одежда украшает человека, как седло - коня. Пусть его новая одежда была простой и до роскошных шелков ей было далеко, но даже она подчёркивала его мужественную статью: плечи широкие, осанка прямая, черты лица чёткие и сурово-красивые. Он выглядел по-настоящему доблестно и притягательно, так что многие пришедшие на пир девушки и геры невольно краснели, украдкой поглядывая в его сторону.

— Мам, ты же говорила, что Хо-далан хромой, — шептала одна. — А он ведь красивее даже учёного Чэнь-сюцай.

Чэнь-сюцай был известен на всю округу своей внешностью: в любой семье, где шёл разговор о сватовстве, обязательно спрашивали «а красив ли он хоть вполтину, как Чэнь-сюцай».

— Посмотри, какой он статный, какой воинственный, — перешёптывались другие. — Даже мой отец, который всю жизнь тяжёлой работой занимается, не такой крепкий... Ай, да что ж это, стыд-то какой!

Девушки и геры сбивались в кучки, украдкой бросали взгляды на Хо Цзюя и втайне сокрушались: почему раньше не присмотрелись к старшему сыну семьи Хо? Тогда, глядишь, и не пришлось бы отдавать шанс чужому геру из другой деревни.

Сам Хо Цзюй был немногословен, но вовсе не нелюдим. Он спокойно и уверенно рассаживал гостей, принимал поздравления, следил за порядком - всё делал размеренно и без суеты. Стоило ему встать в толпе, как он сразу выделялся, словно журавль среди кур, - сдержанный, уверенный в себе, с редким и естественным благородством.

Девушки и геры ещё только вздыхали да перешёптывались, жалея упущенную возможность и обсуждая наспех слухи о супруге Хо Цзюя, как в следующую минуту перед всеми появился юноша в алом одеянии. Шумный двор словно враз лишился звука, будто кто-то нажал невидимую кнопку. Все застыли и уставились на него, не отрывая глаз.

Юноша лишь вышел, тихо обменялся с Хо Цзюем несколькими словами и тут же развернулся, скрывшись в доме. Но головы собравшихся сами собой повернулись вслед, провожая его взглядом, и лишь когда алый силуэт окончательно исчез из поля зрения, в сердцах многих вдруг возникло щемящее чувство пустоты, словно они упустили нечто бесконечно прекрасное.

Так вот он какой, супруг старшего сына семьи Хо... Воистину, словно небожитель. Если бы такого человека удалось взять в дом, жизнь и вправду можно было бы считать завершённой без сожалений. Мужчины смотрели на Хо Цзюя с ещё большей завистью - лица их вытянулись, будто они разом съели по целому лимону. Кисло на душе было до невозможности: да разве это справедливо, что Хо-далану так везёт?

Девушки и геры, только что судачившие без стеснения, теперь притихли, заливаясь румянцем, и переговаривались едва слышно:

— А... а его супруг... почему он тоже такой красивый?

— Наверное, вот так и выглядят небесные пары из театральных пьес...

— Я... кажется, мне даже больше по душе внешность Хо-фулана.

— Мне тоже.

В конце концов, разве тайная влюблённость может сравниться с радостью просто любоваться идеально подходящей друг другу парой?

В древности свадебные церемонии обычно проводили в сумерках. Сегодня помощников собралось немало. Когда Лин Си отвозил товар в ресторан «Хэянь», он заодно пригласил на пир Фэн Лэя с сестрой. Фэн Лэй был подмастерьем: формально у него имелся один выходной в месяц, но, обучаясь ремеслу у мастера, он должен был быть на подхвате в любое время, и о настоящем отдыхе речи не шло. Он колебался, не решаясь принять приглашение, но его наставник, покуривая трубку, сам за него всё решил:

— Иди. Сходи, наберись праздничной удачи.

Фэн Лэй просиял от радости, посмотрел на учителя, затем на Лин Си и закивал так усердно, словно боялся, что его передумают отпустить.

— Хорошо! Мы обязательно придём!

В тот день Фэн Лэй приехал вместе с младшей сестрой на воловьей повозке. В руках у них была корзина, накрытая красной тканью, и коробка изящных пирожных. Эти сладости были фирменным угощением ресторана «Хэянь». Накануне вечером, перед уходом, мастер спросил Фэн Лэя, подготовил ли он свадебный подарок. Услышав, что дома собирались принести всего лишь корзину яиц, мастер посмотрел на него с нескрываемым презрением и лично научил его готовить эти самые пирожные - так и появилась эта аккуратная коробка, полная искреннего, пусть и скромного, поздравления.

Это так взволновало Фэн Лэя, что он всю ночь не сомкнул глаз. У мастера было немало учеников, а он сам всегда молча работал, уступая другим в бойкости и умении угодить словом. Потому и во время показов редко мог протиснуться поближе, чтобы как следует рассмотреть приёмы. И вот впервые наставник лично, один на один, взялся его учить. От волнения Фэн Лэй несколько раз ошибался, сердце всё время словно висело на волоске. К счастью, готовое изделие всё же вышло вполне сносным и с трудом, но заслужило одобрение мастера.

— Это чья такая девчушка? Какая ладная да пригожая, интересно, уже просватана или нет?

— И парень вроде ничего, смотри, что он в руках несёт - неужто коробка из «Хэяня»?

— Да ладно! Там и правда знак ресторана «Хэянь»! Откуда у семьи Хо такие состоятельные знакомые?

— Да ведь в «Хэяне» всё дорогое - только сядешь на лавку, и уже две монеты отдай. А такая большая коробка - это ж сколько денег!

Вскоре к дому неспешно подъехала повозка. Юноша с ещё не сошедшей с лица детской округлостью помог спуститься седовласому старику.

— Дедушка, это здесь, — сказал он.

— Ух ты, дом у брата Хо прямо у подножия горы, — с восхищением протянул Лю Чжунсы. — А по ночам им не страшно, вдруг волки спустятся?

Доктор Цинь поднял руку и легонько стукнул его по лбу:

— Чепуху несёшь.

Хо Цзюй заметил их издали и уже хотел позвать Лин Си, чтобы вместе выйти навстречу, но тот словно почувствовал его мысль и сам шагнул вперёд. Они вышли рядом, плечом к плечу. Оба были необыкновенно красивы, и казалось, между ними и остальными пролегает невидимая граница, будто вокруг них образовался собственный мир, в который никто посторонний не мог войти.

— Брат Лин Си! Ты сегодня просто невероятно красив! — воскликнул Лю Чжунсы, подбегая и начиная кружить вокруг него.

Лин Си с улыбкой поддел его:

— А в обычные дни я, значит, некрасивый?

Лю Чжунсы замотал головой, словно погремушкой:

— Нет-нет! Ты и обычно очень красивый, просто сегодня особенно!

Выслушав целую россыпь восторженных похвал, Лин Си остался вполне доволен. Доктор Цинь, глядя на них, точно на двух озорных мальчишек, лишь усмехнулся и покачал головой.

Он поздравил Хо Цзюя и Лин Си, расспросил о самочувствии Хо Цзюя за последнее время и, погладив бороду, сказал:

— Чуть позже я осмотрю тебя и пощупаю пульс.

— Благодарю вас, Цинь-дафу, — с готовностью ответил Хо Цзюй.

Следом за ними слуга внес свадебные подарки.

Глаза у деревенских жителей раскрывались всё шире и шире.

— Если я не ошибаюсь, это ведь доктор из «Янчуньтана», господин Цинь?

— Да чтоб мне провалиться... они и вправду смогли пригласить самого Цинь-дафу? Так, выходит, нога Хо-далана и правда может поправиться?

Они с готовностью смеялись над делами дома Хо Юндэна, жалели Хо-далана за то, что при разделе семьи он не получил ни медяка, но как ни крути факт оставался фактом: он выстроил новый дом, взял себе супруга и, не поднимая шума, сумел завести знакомства с важными людьми из уездного города.

Стоило только вспомнить собственные протекающие крыши, пресную еду без капли жира, туманное будущее и невесту, которая появится неизвестно когда, становилось ясно: прежде чем жалеть Хо-далана, стоило бы пожалеть самих себя.

А когда блюда одно за другим начали появляться на столах, изумление и вовсе достигло предела. Обычно на деревенском пиру подавали восемь блюд, и если половина из них была мясной уже считалось роскошью. А у Хо Цзюя на каждом столе оказалось десять блюд: холодные и горячие закуски, супы, мясо и овощи - всё в меру и со вкусом. В завершение подали ещё и сладости с фруктами.

Для жителей деревни Линшуй это был первый в жизни пир столь щедрый и продуманный до мелочей. Многие блюда они видели впервые, и потому сидели, широко раскрыв глаза, словно перед ними открылся новый, невиданный прежде мир. Даже ночью во сне люди продолжали вспоминать угощение в доме Хо Цзюя, и молва, переходя из уст в уста, раздула тот пир до небывалых высот - так расхвалили, что ему не стало равных ни на земле, ни под небесами. В одночасье о нём узнали все деревни в округе.

Односельчане наелись от души, не скупилась на поздравления, и новый дом Хо-далана был полон смеха и оживлённых голосов. Лишь его родной отец, Хо Юндэн, поневоле остался дома. До него доносился шум и веселье с той стороны, и от этого на душе становилось ещё тоскливее, грудь сдавливало глухим раздражением.

— Неужто в доме денег нет, чтобы хоть тарелку мяса пожарить? — проворчал он, поковыряв палочками в блюде. На столе стояли одни овощи; он с явным недовольством постучал по краю тарелки.

— Ты что, себя землевладельцем возомнил? — вспылила Чжао Сюцзюань. — В каком доме мясо каждый день едят? Хоть сколько серебра имей - всё промотаешь.

Она отодвинула блюдо к дочери.

— Ин-Ин, ешь побольше, не обращай внимания на отца.

Хо Ин поджала губы и тихо спросила:

— Пап, ведь сегодня у них пир, да? Там, говорят, очень шумно... Почему ты нас туда не повёл?

Лучше бы она этого не говорила. Лицо Хо Юндэна мгновенно помрачнело, он с силой хлопнул палочками по столу:

— Уже давно разделились! Куда идти? С этого дня, если встретишь их, считай чужими людьми.

Хо Ин вздрогнула от неожиданности и украдкой посмотрела на мать. Чжао Сюцзюань тоже показалось странным, она ещё не успела открыть рот, чтобы расспросить как следует, как Хо Юндэн уже ткнул пальцем в Хо Чанъаня и зло выругался:

— И ты тоже, никчёмный! Сам бежишь людям помогать, горбатишься для них, а посмотри, как они с тобой обошлись. Едят да пьют вволю, и ни разу тебя не позвали.

У Хо Чанъаня сжалось в груди. Слова отца были резкими и неприятными, но в них была правда. Он действительно спешил помогать с ремонтом дома, работал не покладая рук столько дней, а сегодня, в день новоселья, старший брат даже не пригласил его. За всё время стройки тот ни разу сам с ним не заговорил, а отношение к нему было хуже, чем к обычным односельчанам.

Атмосфера за столом в одно мгновение стала тяжёлой и гнетущей, еда утратила вкус, словно жевали сухую солому.

После ужина Чжао Сюцзюань с Хо Ин вышли прогуляться, чтобы «разогнать пищу», и по дороге столкнулись с деревенскими, возвращавшимися из дома Хо Цзюя.

— О, да это же Сюцзюань и Ин-Ин! — с улыбкой окликнули их. — А что ж вы не пришли к далану на пир?

У обеих улыбки разом застыли, они не сразу нашли, что ответить. Но собеседники и не дали им времени оправдаться, продолжив с воодушевлением:

— Зря не пришли, ох как зря! Они такой пир устроили - просто загляденье!

Селянин с жаром поднял большой палец, и остальные тут же наперебой подхватили:

— Точно! Я за всю жизнь такого стола не видел.

— А то сладкое... как его... сладкая тушёная свинина, что ли? — протянула пожилая женщина.

— Я уж сколько лет прожила, а такого блюда в глаза не видывала. Мягкое, и зубам труда никакого.

— А мне больше всего понравилась холодная курица, — вставил другой. — Говорят, южное блюдо. Первый кусочек вроде непривычный, даже слегка щекочет язык, а потом ешь и остановиться не можешь. Ох, не напоминайте, а то слюна потечёт.

— Моя Нью-Нью забежала в дом поиграть с Хо-фуланом, — оживлённо сказала ещё одна женщина. — А он, представляете, такой щедрый! Взял да и раздал детям пирожные из «Хэяня». Дочка говорит, во рту будто облачко растаяло - сладко, мягко, необыкновенно вкусно. Я и представить не могу, что это за лакомство такое.

— Небеса милостивые, да он и правда такой добрый?

— А как же! Красивый, сердечный, да ещё и щедрый. С даланом они и впрямь словно пара, созданная на небесах!

Улыбка Чжао Сюэцзюань окончательно застыла. Когда она услышала, что даже доктор Цинь из «Янчуньтана» приходил поздравлять Хо Цзюя, ногти её едва не впились в ладони.

Хо Ин, будучи ещё совсем юной, слушала эти разговоры, глотая слюну и досадуя, что сегодня не попала на пир. И ещё тот статный господин из уезда... Хо-далан всё-таки её старший брат, а даже не подумал познакомить её с таким человеком. Как и говорила мать, никакой у него совести.

Хо Юндэн был полон злости. Он брёл вдоль своих полей, глядя на молодые ростки риса с таким мрачным видом, будто весь мир был ему должен. По дороге его нарочно окликнули возвращавшиеся с пира деревенские:

— Эй, второй Хо, а что ж ты не пошёл на пир к старшему сыну? Стол там был - закачаешься, не сходить себе в убыток.

Хо Юндэн сделал вид, что не слышит. Мужики тут же начали поддевать его:

— Что, испугался серебро тратить? Твой старший брат всю свинину на пир взял на себя, зять твоей сестры ещё и мебель молодым подарил. А ты что преподнёс?

Другой, прыснув со смеху, добавил:

— Он их из дома выгнал.

— Ха-ха-ха-ха-ха!

У края поля разразился хохот - мужчины наперебой подшучивали, и Хо Юндэну стало некуда деваться от насмешек. От стыда и злости он сорвался, заорал:

— Да какое вам дело! Не суйте нос куда не просят!

Он в ярости поспешил прочь, стараясь отойти подальше от этих людей. Но узкая тропинка между рисовыми чеками была скользкой, а голова у него шла кругом от злости. Нога поехала, и он с размаху рухнул прямо в залитое водой поле.

На мгновение вокруг воцарилась тишина, а затем раздался ещё более громкий, оглушительный смех.

Когда гостей проводили, тётушки помогли вымыть и вытереть посуду. Хо Цзюй сложил высохшие кастрюли, миски и ковши на тележку, чтобы на следующий день развезти их по домам и вернуть хозяевам. Лин Си обошёл все дворы, возвращая столы и скамейки, а когда вернулся, в руках у него было что-то сияющее.

— Брат Хо, иди скорее, посмотри.

Хо Цзюй повернул голову и поднял взгляд. В плетёной из травы клетке мягко мерцал живой свет, отражаясь на чистом, как нефрит, лице юноши. Его глаза были изогнуты улыбкой, словно в них упали и зажглись тысячи крошечных огоньков.

— Светлячки. Красиво, правда? — с улыбкой спросил Лин Си.

Долгое мгновение мужчина не отвечал. Лин Си поднял глаза и неожиданно утонул в его взгляде: тёмном, спокойном, глубоким, словно бездонное море. Слова вдруг застряли в горле. То странное, необъяснимое чувство снова накрыло его. Он неловко почесал шею, сунул плетёную клетку Хо Цзюю в руки и поспешно сказал:

— Я пойду в кухню, посмотрю, не нужна ли помощь.

Хо Цзюй опустил взгляд на светящийся подарок, некоторое время молча смотрел на него, а затем повесил под стрехой. В темноте он сиял, словно маленький маяк, указывающий путь домой.

Лин Си забежал в дом, но в кухне почти всё уже было убрано, и его быстро выставили обратно. В этот момент из-за угла вдруг выскочил гер с веснушками и потянул его за край одежды:

— Невестка, пойдём со мной на минутку.

Юноше было лет шестнадцать-семнадцать. Кожа у него была не слишком светлая, но черты лица аккуратные, а по обе стороны носа рассыпались мелкие веснушки. Это был Чжоу Янь - единственный сын-гер тётушки Хо Яо и дяди Чжоу Шуня, дома его звали Сяо Яньба. Он специально приехал с родителями, чтобы поучаствовать в празднике.

Лин Си ничего не стал спрашивать и пошёл за ним. Отойдя в сторону, Чжоу Янь достал из-за спины коробочку и бережно подал её:

— Это мой свадебный подарок вам.

— Спасибо, ты очень постарался, — с лёгким удивлением принял подарок Лин Си.

— Можно открыть? — уточнил он.

Чжоу Янь закивал так усердно, будто цыпленок, клюющий зёрнышки. Лин Си приоткрыл аккуратную квадратную коробочку и оттуда внезапно выскочила тигриная морда. На его месте другой человек наверняка от испуга выронил бы подарок.

— Ха-ха-ха-ха! — Чжоу Янь решил, что напугал его до полусмерти, и залился хохотом, держась за живот.

Лин Си: «...»

Вот уж не ожидал, что в семье тётушки окажется такой маленький сорванец.

<http://bllate.org/book/13580/1243891>